

Шен Хуай стоял позади режиссера Ю и спокойно смотрел в камеру на Чу Мэй Бо.

Он наблюдал, как ей наносят грим и переодевают, шаг за шагом. В тот момент, когда она вышла из гримерки, режиссер Ю и все остальные замерли. Гример не изменила ее внешности, но когда она стояла перед толпой, она казалась другим человеком.

Ивовые брови слегка нахмурены, пара водянистых глаз, казалось, наполнилась родниковой водой, цвет ее лица был немного бледным, но это только подчеркивало утонченность черт ее лица. Стоя там, она выглядела очень слабой и худой, как будто порыв ветра мог унести ее прочь.

Чу Мэй Бо всегда играла персонажей с яркой и уверенной личностью. Все ее предыдущие роли, независимо от того, были ли это Квай Цзи, Вэнь Нань или Юнь Чуо И, также были относительно сильными женскими характерами. Настолько, что даже сам Шен Хуай забыл, что лицо Чу Чу изначально было нежным и бледным.

В этот момент Чу Мэй Бо полностью изменила свой темперамент, и тем самым прекрасно подчеркнула достоинства этого лица.

Какой бы фантастической ни была внешность Жун Ци в сердцах других людей, Чу Мэй Бо, появившаяся перед ними в этот момент, определенно могла носить титул первой красавицы.

Шен Хуай уже мог себе представить, сколько волн вызовет выступление Чу Мэй Бо после выхода этого эпизода в эфир.

Шен Хуай смотрел на нее в камеру с самого начала, когда она была растеряна и слаба, до того, как генерал напомнил ей, что ее нынешняя ситуация была похожа на ситуацию человека, окруженного волчьей стаей, тем самым приводя её к осознанию сложившейся ситуации. Она начала читать по ночам, изучая эти витиеватые и труднопонимаемые указы, и взяла на себя инициативу найти нескольких важных министров для сотрудничества. Сановники презирали ее как танцующую вдовствующую императрицу-мать. От обиды она перешла к тому, что научилась терпеть, и, наконец, когда у нее появилась реальная власть, это лицо все еще выглядело слабым, но взгляд уже не казался уступчивым.

Каждое изменение и каждый этап становления Жун Ци были чрезвычайно яркими в интерпретации Чу Мэй Бо.

По сравнению с ней аура Сюй Аньци была намного тусклее.

Исключая ее мелочность в начале, Сюй Аньци также взяла на себя инициативу сыграть вместе с Цю Цзе несколько сцен в середине, пытаясь поставить Чу Мэй Бо в неловкое положение. Однако эти маленькие выкрутасы перед достаточно хорошей актрисой были обречены на провал, задумано было хитро, да вышло глупо.

Сюй Аньци, казалось, осознала это, и она больше не избегала того, чтобы быть вовлеченной Чу Мэй Бо в игру. Она уже была очень талантливой актрисой. Как только она больше не пыталась доминировать в истории, ее понимание роли сразу же заставило ее персонажа сиять.

Тем не менее Шен Хуай втайне вздохнул.

В прошлом он, возможно, не испытывал ни малейших эмоций по поводу игры Сюй Аньци, но, по всей вероятности, он провел с Е Каном и Чу Мэй Бо слишком много времени, и их энтузиазм к мастерству также заразил и его.

Поэтому он мог видеть, как Чу Мэй Бо вела Сюй Аньци почти незримо, а также видел в глазах Сюй Аньци простую одержимость актерским мастерством.

Когда запись закончилась, был уже вечер.

В последней сцене, когда Вдовствующая Императрица Жун умирала, Чу Мэй Бо играла за занавесом, и камера фокусировалась на актере второго плана, который играл молодого императора, и на нескольких посетителях.

Вдовствующая Императрица Жун была слаба, но все же заставила себя попросить молодого императора не смещать кабинет, но он ей отказал.

С честолюбием в глазах и властным голосом он сказал, что сыт по горло ощущением, что его контролирует кабинет министров, и что он вернет имперскую власть в свои руки.

Тень за занавеской долго не шевелилась и наконец глубоко вздохнула.

На лицах нескольких других актеров появилось печальное выражение, хотя они и знали, что все это фальшивка. Но в конце концов они действительно увидели женщину, которая спровоцировала самые важные перемены в императорской династии, но все ее усилия в конце концов сошли на нет.

Как зрители, даже если они знали результат, они ничего не могли с этим поделать.

Такова была бездушность и беспомощность истории.

Когда режиссер Ю крикнул "снято", трое постоянных гостей медленно пришли в себя, похлопывая свои ноющие тела, и шутили друг с другом. Однако Сюй Аньци все еще стояла на коленях в оцепенении, как будто она не вышла из сюжета.

В последней сцене она плакала так сильно, что чуть не упала в обморок, и даже после того, как все закончилось, ее лицо все еще было в слезах.

Мэн Хунхэ всегда восхищался преданными делу людьми. Увидев такую Сюй Аньци, он стал еще мягче: "Аньци, проснись, вернись".

Сюй Аньци повернула лицо и, казалось, внезапно проснулась, смущенно вытирая слезы.

Несколько гостей подумали, что она все еще погружена в настроение драмы, поэтому немного пошутили. Сюй Аньци улыбнулась, но ее лицо все еще было немного ошеломленным.

Она больше не была погружена в процесс игры, но сейчас вспомнила все, что произошло в пьесе.

Во второй половине она полностью отдалась игре. В конце спектакля она поняла, что давно не испытывала такого большого удовольствия от актерской игры.

За последние два года постоянно повторяющиеся роли постепенно подорвали ее любовь к актерскому мастерству и стерли память о первоначальном желании войти в этот круг.

Она вспоминала свою радость и преданность, когда играла пьесу на школьной сцене. Она думала, что уже забыла об этом, но ее сотрудничество с Чу Мэй Бо заставило ее внезапно проснуться.

Сюй Аньци поджала губы и подняла глаза, чтобы посмотреть на Шен Хуая.

Вместо того чтобы смотреть на него, как раньше, она была на удивление спокойна.

Когда они вышли из студии, Шен Хуай тихо сказал: "Я слышал, что ты собираешься сняться в главной роли в новом фильме режиссера Лу".

Он произнес это не как вопрос, а как утвердительное предложение. Новость еще не была раскрыта, но он, казалось, подтверждал результат.

Сюй Аньци не удивилась. В прошлом, когда она еще была под началом Шен Хуая, она узнала, что он очень умен и хорошо информирован. То, что он знал это, ничего не значило.

Однако Шен Хуай неожиданно все же обращал внимание на ее обстоятельства, что удивило Сюй Аньци.

Сюй Аньци усмехнулась: "Я хочу трансформироваться, а режиссер Лу хочет попробовать что-то новое, так что у каждого из нас есть то, что нужно другому".

"Я читал сценарий режиссера Лу. Он очень хорош, и эта роль также очень подходит тебе, - медленно произнес Шен Хуай, - я рад, что ты смогла это понять."

На мгновение Сюй Аньци затерялась в мыслях, вспоминая события трехлетней давности, когда Шен Хуай еще был ее агентом.

Она пристально посмотрела на Шен Хуая и вдруг сказала: "Шен Хуай, ты изменился".

Шен Хуай был ошеломлен.

"Ты... ты начинаешь вести себя более человечно."

Сказав это, Сюй Аньци, казалось, почувствовала себя немного неловко и резко сказала: "Но я не буду пользоваться тобой, и обмениюсь с тобой информацией".

"Хуа Жун, кажется, послала людей проверить Чу Мэй Бо. Очевидно, в последнее время они добились прогресса, так что тебе следует быть более осторожным."

Шен Хуай получил известие от человека, который следил за семьей Чу. В последнее время некоторые люди тайно копались в прошлом Чу Чу, но он не ожидал, что это будет Хуа Жун.

Хотя Шен Хуай уже принял меры, он все же искренне поблагодарил Сюй Аньци.

Сюй Аньци, казалось, вздохнула с облегчением, но все же сказала: "Я просто возвращаю услугу. Я никогда никому не была должна, особенно тебе, Шен Хуай".

"Как я уже говорила, теперь я буду играть лучше, чем когда была под твоим началом! Я сделаю это!"

Когда Сюй Аньци закончила, она вздернула подбородок и ушла.

Шен Хуай был беспомощен, но когда он вспомнил, как она сказала, что он "более человечен",

он не мог не коснуться своих щек и неожиданно подумал о Е Кане.

Е Кан всегда говорил, что человек, которого он хотел бы поблагодарить больше всего, - это Шен Хуай, но для Шен Хуая это было не так.

В этот момент Е Кан, который только что пришел забрать Шен Хуая, случайно проходил мимо Сюй Аньци. Они оба остановились, а затем посмотрели друг на друга с отвращением.

Сюй Аньци холодно фыркнула "хам" и умчалась в бешенстве.

Шен Хуай поднял глаза и случайно увидел эту сцену. Е Кан с необъяснимым лицом подошел и проворчал, глядя на Шен Хуая: "Почему она здесь? Она опять к тебе пристаёт?"

Шен Хуай: "..."

Он мог только рассказать Е Кану, почему подошла Сюй Аньци.

Е Кан удивился и сказал: "Она может быть такой доброй?"

Шен Хуай сделал паузу и, наконец, не смог удержаться от вопроса: "Я никогда не мог понять, почему ты так враждебно относишься к Сюй Аньци?"

Е Кан едва заметно взглянул на него: "Может быть, это интуиция любовного соперника".

Шен Хуай: "..."

Как раз в тот момент, когда Шен Хуай собирался что-то сказать, зазвонил его мобильник. Увидев номер телефона, он опустил глаза.

Владелец этого номера был тем, кого он послал проверить девушку, которую они встретили в городе Сунцзин раньше. Теперь, когда позвонила другая сторона, должны быть какие-то новости.

Он слегка повернулся и ответил на звонок.

Другая сторона что-то сказала, и Шен Хуай спокойно ответил, а затем, как обычно, повесил трубку.

Е Кан немного заинтересовался: "Это был звонок из компании?"

Шен Хуай ответил "Эн".

Е Кан почувствовал, что отношение Шен Хуая было немного странным, но он ничего не мог придумать.

Шен Хуай почувствовал сострадание к Е Кану, но девушка действительно была немного странной. Шен Хуай отчетливо помнил, что, когда она увидела Е Кана, на ее лице появилось испуганное выражение. Он не хотел, чтобы Е Кан вмешивался, пока не узнает правду.

Шен Хуай спокойно сменил тему, отвлекая Е Кана и оставляя этот вопрос на время.

Они вдвоем не участвовали в званом обеде программной группы, а как бы невзначай отправились перекусить на улицу. Вернувшись в отель, Шен Хуай воспользовался тем, что Е Кан принимает ванну, и перезвонил.

"Расскажи мне, что происходит?"

Человек на другом конце быстро передал Шен Хуаю всю информацию, которую он недавно нашел. Девушку звали Инь Цзинъи, она училась на последнем курсе художественного факультета Университета изящных искусств Дунцзяна. Ее родители оба были врачами и обычно были очень заняты и мало обращали внимания на ситуацию своей дочери. Над Инь Цзинъи издевались в школе из-за ее избыточного веса. Она была замкнутой и мрачной, но, кроме этого, в ней не было ничего, что могло бы вызвать подозрения.

Шен Хуай сильно нахмурился.

Но если с Инь Цзинъи действительно все было в порядке, то почему она так отреагировала, когда увидела Е Кана?

Шен Хуай некоторое время размышлял над этим, но так и не смог прийти ни к какому выводу, поэтому ему оставалось только позволить другому человеку продолжать обращать внимание на Инь Цзинъи. Недавно он был занят подготовкой к пресс-конференции "Красной актрисы", а потом собирался уехать за границу вместе с Е Каном. У него действительно не было времени ехать в город Дунцзян.

Однако он все же принял решение, что, когда они с Е Каном вернутся из Соединенных Штатов, они отправятся на встречу с этой младшей Инь Цзинъи.

<http://bllate.org/book/14503/1283597>